

«ОТ ЛЮБВИ к тебе вовсе не излечишься, сорок тысяч других мостовых любви... Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое отечество, никогда до конца не пройди тебя».

Я написал эти строки четверть века тому назад, как уроженец Арбата, как долгий его житель и как его солдат, вовсе и не полагая, что удостоен какой-то особой чести, а просто любя этот мир своего рождения, что свойственно всем нормальным людям, любя это кажущееся столпотворение кривых переулочков, втекающих в не менее кривую улицу, эти дворы и их обитателей и легко отличный арбатский выговор с едва заметной претензией на небрежность, и специфический аромат арбатской зимы, и совершенно особую стилистику строений, содружество веков — обоняния XVIII столетия и доходные громадины XX века, мягкий русский ампиризм и буржуазный модерн и вдруг послевоенный Вахтанговский театр, удачно вросший в этот мнимый архитектурный сумбур... Изысканность, строгость, лень, доброжелательность, хлебосольство и достоинство, но никогда высокомерие или чванство, я уж не говорю об уюте — уют, сам собой сложившийся, врожденный, теплый...

Вот каков этот мир весь в целом, а не только короткий отрезок пространства меж Арбатской и Смоленской площадями, который известен лишь непосвященным. И так, я не полагал, что удостоен особой чести, но за четверть века в моих личных пристрастных представлениях об Арбате произошли необратимые перемены, не позволяющие мне нынче думать о нем, как о родине только моей или моих товарищей по юности. Постепенно выяснилось, что Арбат не страдает от недостатка народонаселения, что это многочисленное племя не меньше меня подвержено любви к нему; мало того, выяснилось, что арбатские узлы слишком прочны, чтобы даже расставания могли утихомирить и утешить эту любовь, и бывшие его дети, вскормленные им, но по разным обстоятельствам переселившиеся в другие части столицы, продолжают с не меньшей горячностью клясться его именем. Наконец, я не знаю ни одного истинного москвича, проживающего в любой части Москвы, который мог бы даже наедине с собой подумывать об Арбате, как это говорится, без трепета и вдохновения.

Я встречал множество людей, живущих, к примеру, на не менее прекрасной Пречистенке, говорящих о своем местожительстве: «Это в районе Арбата», проживающих

на Гоголевском бульваре: «Да вот же он, Арбат, сразу за углом...» И все они, говорящие о своей любви к Арбату без аффектации и показной дрожи, все они представляют себе не серо-желтый разноэтажный извилистый коридор, лишенный зелени, даже, может быть, раздражающий приезжих отсутствием блеска и гармонии, а все, что вокруг этого коридора и около, связанное меж собой историей, традициями, великими именами, былыми и небывшими, что, собственно, и составляет истинную город-

Нет задворок у Арбата

Булат ОКУДЖАВА

скую гармонию, ибо у Арбата нет задворков, а есть вообще Арбат — район, страна, живая, трепещущая история, наша культура... Я даже подозреваю, что у него есть душа, и она вот уже несколько столетий источает невидимые волны, благотворно действующие на наше нравственное здоровье, как, впрочем, действовавшие и ранее на многих замечательных наших предшественников во главе с Александром Сергеевичем.

История Москвы по необъяснимой своей прихоти избрала именно этот район для наиболее полного самовыражения. Вот нам и карты в руки. В суете будней мы поняли это, мягко говоря, несколько с запозданием. Но когда мы это осознали и почувствовали, уже не требовалось никаких особых побудительных мотивов, чтобы обвести эти места охранным пунктиром и провозгласить их заповедными, драгоценными, нуждающимися сегодня в нашем повышенном внимании и даже в защите. И вот в настоящее время разрабатывается проект реконструкции улицы Арбат. При этом предполагается освободить улицу от городского транспорта, историческую застройку обеих сторон улицы решено полностью сохранить и, возможно, даже дополнить, воссоздав утраченные в прошлом здания и построив несколько новых сооружений, соответствующих духу и характеру улицы. Предполагается, к примеру, восстановить знаменитый «Дом с привидениями», который находился ког-

да-то рядом с существующим магазином «Цветы». И хотя проблем немало, мысль о том, что Арбат должен быть сохранен как один из самых достойных памятников нашей великой культуры, мысль об этом придает нам силы, возбуждает нашу фантазию, превращает нас в единомышленников.

Конечно, легче сохранить для себя, а, главное, для наших наследников, ну, предположим, старинную церковь, здание, сквер, даже Триумфальную арку, но... улицу, магистраль, целый

стал Арбатом, разрушается, и арбатский мир утрачивает свой облик. Заодно с клоповниками порой сносятся в кривых переулках типичные арбатские дома, исчезают дворы, будто и не были, рождаются свежие пустыри... А новые сооружения не всегда соответствуют историческому окружению. До сих пор строительство здесь ведется таким же способом, как и на окраинах: сначала сносятся застройка вдоль переулка, а затем — в глубине квартала, с отступом, возникает инородное тело, которое, может быть, могло бы украсить любой из многочисленных новых районов Москвы. Да, мы думаем об улице Арбат, а забываем об Арбате.

В Законе об охране памятников истории и культуры есть положение об охране планировочной структуры. За этим специальным и сухим словосочетанием как раз и скрывается еще живой Арбат. Уже научились охранять отдельные здания — памятники старины и культуры, но в данном случае речь идет обо всем районе, который весь, в комплексе является таким памятником. Трудность заключается в том, что мы не научились пока обосновывать ценность «рядовой» исторической застройки в целом. Поэтому здания моложе 150 лет (середина и конец XIX века, начало XX) да к тому же не являющиеся памятниками старины, постоянно находятся под угрозой сноса. И в этом случае общество и инспекция по охране бессильны. Даже исторические ценные здания, подвергшиеся в разное время перестройкам, выпадают из сферы их влияния.

Разрушая исторически сложившуюся «рукотворную» среду, мы постоянно теряем подлинные ценности, а ничего адекватного создать уже не в состоянии: индустрия и технология в архитектуре постоянно диктуют схематизм решений, ибо нет тех заказов, той квалификации, тех неторопливых сроков.

Я поделился своими тревогами с одним знакомым человеком. Он улыбнулся, похлопал меня по плечу.

— Не расстраивайтесь. Жизнь не остановишь, — и добавил, помолчав: — Новое, как известно, вторгается неутомимо...

Улыбался он обаятельно, но глаза при этом были холодны. Ему было не до моих сантиментов. И тут мне следовало бы опустить руки, но я не властен это сделать, ибо невероятно, чтобы Арбат погиб. Нет, не улица Арбат (с ней, кажется, все благополучно), а АРБАТ, тот самый АРБАТ, который — наше Отечество.